

УДК 316.473

Кумыков Аюес Мухамедович

доктор философских наук, профессор кафедры
философии Кабардино-Балкарского
государственного университета
profkbsu@mail.ru

Kumykov Aues Mukhamedovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of
Philosophy of Kabardino-Balkarian State University
profkbsu@mail.ru

**ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ АМНЕЗИИ
В ПРЕДМЕТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ**

В статье рассматриваются постановка и актуальность исследования проблемы социальной амнезии в предметном пространстве социально-философской рефлексии. Показано, что феномен социальной амнезии онтологически вписан в социальную реальность и наиболее отчетливо проявляется в периоды социокультурных кризисов.

Ключевые слова: социальная амнезия, память, социальная память, социальное беспамятство, социально-философская рефлексия.

**THE PROBLEM OF SOCIAL AMNESIA IN
THE SUBJECT AREA OF SOCIAL AND
PHILOSOPHICAL REFLECTION**

The article considers the formulation and topical character of the problem of social amnesia in the subject area of social and philosophical reflection. It is shown that the phenomenon of social amnesia is ontologically inscribed into the social reality and is more evident during the periods of social and cultural crises.

Key words: social amnesia, memory, social memory, social unconscious, social and philosophical reflection.

Российское общество переживает один из самых сложных периодов своей истории, решая задачи преодоления наследия тоталитарно-авторитарного модуса социального бытия посредством трансформации и социальной модернизации. Рефлексивно-критический потенциал «вопросания» о наследии и опыте прошлого постоянно подпитывает актуальный социально-философский дискурс, а обновление концептосферы носит достаточно своеобразный характер, поскольку протекает в условиях переходного периода, характеризующегося нестабильностью общества.

История как событийная жизнь людей во времени и пространстве тесно связана с переменами, которые происходят в обществе, преобразуя и современное интеллектуальное «поле» социально-философской рефлексии и «производства» идей и оказывающими, в свою очередь, существенное воздействие на формирование субъектами преобразований разнообразных культурных практик. Предмет социально-философской рефлексии – это мир социального. В социогуманитарном знании, предлагающем разнообразные дескрипции общества и культуры, каждая из которых имеет свою методологическую основу и выражает на соответствующем языке реальные явления и отношения, обострилось осознание методологических разрывов, что проявляется в возникновении смежных отраслей знания, вызванным, с одной стороны, плюрализмом когнитивных подходов, с другой – ростом внимания к междисциплинарному научному аппарату.

Специфика социального познания состоит в том, что любой исследователь социальной действительности как объективной данности с необходимостью принадлежит ей и не может существовать вне ее. Согласно конструктивистской методологии, попытку описания общества невозможно осуществить вне общества – как бы ни определяли предмет, само по себе определение уже является одной из операций этого предмета, поскольку описанное осуществляет описание. Как полагает И. Шапиро, любые формы социальных исследований зависят от наших представлений о том, что следует считать объяснением социального явления [1].

Философская концептуализация задает основы и теоретические нормативы частных социальных наук, осуществляет рефлексивную работу по осмыслению их предмета и специфики, вырабатывает методологию и категориальную основу исследований. Все эти моменты включаются в исследовательскую программу для работы с социальными явлениями на уровне фактической, эмпирической данности социального.

Ничто в современном мире не устаревает так быстро как знания, поэтому разрыв, который создается между жизненным опытом индивида и социальной памятью предшествующих поколений, составляет по-новому переосмысливать прошлое, искать новые стратегии его присвоения и освоения в координатах социальной устроенности. Ускорение преобразований и социальные потрясения в контексте коллективной памяти и исторического опыта, деформации социальной памяти и массовое обращение к «искусственному прошлому» в траекториях взаимодействия минувшего и настоящего делают особенно актуальной проблему отношений человека и общества со своим прошлым [2].

Проблема социальной амнезии в предметном пространстве социально-философской рефлексии обусловлена тем, что размытость, неопределенность и фрагментированность жизни в мире постмодерна вынуждает людей вспоминать прошлое. Г.А. Бакиева полагает, что социальная амнезия появляется там и тогда, где и когда происходит разрыв между прошлым, настоящим и будущим. Социальная амнезия как бы периодически разгружает человека от тяжести прошлого. Человечество накопило достаточно знаний и опыта, чтобы обустроить свою жизнь на разумных началах. В архивах коллективной, исторической, национальной, культурной, научной памяти спрессован колоссальный объем знаний, который при эффективном использовании, в правильной актуализации мог обеспечить место, хотя бы для здравого смысла в нашей жизни, особенно в политике, в человеческих взаимоотношениях, общественном обустройстве в целом. Социальная амнезия проявляется и в описании истории только лишь в монументальном, героическом плане, опуская иные слабые, порой позорные ее страницы. Это в свою очередь ведет к искажению, фальсификации истории. Кроме этого, искажение истории создает иллюзии, которые вводят людей в заблуждение [3].

Социальную амнезию возможно определить как социокультурное явление и как процесс, выражающийся в экспансии социального беспамятства, частичной утрате памяти о значимом прошлом в обществе, в размытии чувства самооценности истории и наличии искаженного опыта прошлого, в стремлении элиты созидать новое без опоры на знание о прошлом. Социальная амнезия ведет к дезорганизации социальной памяти как символической реконструкции прошлого в настоящем и совокупности социокультурных практик, осуществляющих отбор и преобразование социальной информации в значимое знание о прошлом в целях сохранения и трансляции культурного опыта.

С развитием современного информационного общества воздействие социальной памяти, равно как и исторического прошлого в целом, на основные тренды и траектории социального развития все более усиливается, так как современные средства массовой коммуникации способствуют распространению информации самого разнообразного свойства. Хотя память никогда не бывает точной копией прошлого, социальная память, оперируя воспоминаниями о значимых событиях, сюжетах, личностях, становится одним из ключевых элементов, определяющих не только актуальное состояние общества, но и активно формирующих его будущее.

Исследователи обращают внимание на то, что социальная память позволяет не только увидеть динамику процесса трансляции передаваемых социокультурных форм во времени и социальном пространстве, но и целостно представляет их нарастающее многообразие во взаимосвязи и противоречивом взаимодействии, а главное, позволяет проанализировать конструирующую деятельность акторов социальных трансформаций (политика памяти). Социальная память – это «пламенный котел», где взаимодействуют временные пласты социоисторического опыта во всем разнообразии форм от мифов до социальных практик, и где с помощью социогенетических социологов структурируется будущая модель общества [4].

Социальная память может способствовать ускорению одних социальных процессов и, в то же время, тормозить или блокировать другие. Нередко проявляется и защитная социальная амнезия – устранение из памяти травмирующих событий прошлого. Память, забвение, социальное беспамятство и вытеснение отдельных социально значимых сюжетов, фрагментов и личностей из исторической памяти как явления социальности и культуры предстают в качестве весьма значимой проблемы социально-философского дискурса.

Востребованность темы памяти связана с фундаментальными социальными проблемами, а современная социальная действительность представлена переплетением различных пластов социальной реальности, каждый из которых обладает собственными возможностями и демонстрирует собственную логику существования, во многом проистекающую именно из обстоятельств прошлого. Мир социальных явлений отмечен латентно присущей разнонаправленной динамикой. Классическая философия рассматривала его как процесс движения от прошлого к будущему, создавая всеобъемлющие метафизические системы. Философские проекты современности значительно коррелировали траекторию социального познания. «Неклассическая философская рефлексия современности активно включает в свое исследовательское поле непрекращающиеся переливы от за-бытия к бытию, иногда к ино-бытию и, наконец, к со-бытию, которые фиксируются в социальной памяти человека, определяя смысл и ценность его бытия» [5].

В пространстве производства, распространения и потребления социогуманитарного знания отечественная социальная философия в первую очередь презентует себя как совокупность концепций и идеологических построений объяснения закономерностей переходного состояния общества и его трансформации. В интеллектуальном пространстве производства нового знания и актуализации теоретической «оптики» социогуманитарного знания, в том числе, исторического, социально-философское

осмысление опыта и действий воплощается в теории в качестве смысловых комплексов.

Проблематика социальной памяти и социальной амнезии, возникшая в глубинах реального социокультурного опыта, требует серьезных когнитивных усилий. В социально-философском и общегуманитарном пространстве сформировались исследовательские дискурсы, которые, наполняясь воспоминаниями и актуальными оценками прошлого, настоящего и будущего, порождает необходимость новых концептуальных подходов и стимулирует разработку иных методологических оснований для анализа социальной памяти и социальной амнезии, включая политическое использование памяти властными структурами «общества отката и заноса».

Недаром многие, вслед за французским мыслителем П. Нора говорят, что мы сейчас живем в эпоху памяти, впрочем, памяти специфической, манипулятивной, искусственной, в которую активно вмешиваются государство и средства массовой информации, в силу чего она становится идеальной почвой для исторических и политических манипуляций. Если же историческое знание формирует лишь взаимную ненависть и нетерпимость, то это знание нефункционально.

Феномен социальной амнезии онтологически вписан в социальную реальность и наиболее отчетливо проявляется в периоды социокультурных кризисов, из-за чего конфигурация проявления социальной памяти в характеристиках отечественного исторического процесса приобретает циклически-волновую природу, когда периодически утраченное содержание памяти может возвращаться в историю в переработанном виде, откликаясь на запросы эпохи. Поскольку память выступает хранителем прошлого и вместилищем информации о минувшем, то сюжеты, в которых раскрывается память, зачастую связаны с ее утратой или же с ностальгией по прошлому. В итоге социальная память, обладая функциональными и структурно-содержательными особенностями, включает в себя не только процессы воспоминания, но и забывания, а природа и траектории рецепции прошлого в современных социокультурных практиках, составляя суть социальной амнезии, отличаются деформированным характером.

Выявление теоретических оснований и уточнение проблемного поля исследования социальной памяти в социокультурных практиках рецепции прошлого обусловлено тем, что в корпусе категориально-понятийных комплексов, описывающих те или иные проявления социальной реальности, социальная память занимает все более заметное место.

Традиционные подходы к социальной памяти и социальному беспамятству как ее инварианту разрабатывались в рамках неклассической парадигмы социальной философии. Однако изменение предмета исследования неизбежно влечет за собой и возникновение нового теоретико-методологического инструментария, призванного отразить специфические характеристики социальной памяти в современном трансформирующемся обществе. Сами аналитические дискурсы наполняются воспоминаниями и актуальными оценками прошлого, настоящего и будущего. Необходимым становится создание новой концепции социальной памяти, способной как синтезировать разработки предшествующих подходов, так и обобщить опыт, полученный в результате исследования современных социальных и социокультурных процессов.

Согласно Т.М. Тузовой, проблемы специфической природы философской рефлексии (в широком смысле слова: размышления, продумывания, осмысления), философского способа вопрошания о мире и человеке, конституируемых его работой, собственных территории, предмета и метода, а также философского знания и языка исследуются по отношению к дискурсу повседневности и методологии гуманитарных наук. Интрига исследования – феномен странности речи философа, рождающийся в ее встрече с повседневным сознанием и устойчиво воспроизводящийся с момента возникновения философии и донине. Таким образом, рождаясь из встречи дискурсов, феномен странности воплощает и связывает собой некие принципиальные, радикальные и глубинные особенности их способов самосуществования, и в этом смысле он, по мнению автора, может быть прочитан как стягивающий в себе всю проблематику специфичности философского дискурса [6].

В философской и социологической литературе подчеркивается, что разрывы в истории обостряют интерес к прошлому, к проблеме связи времен, заставляют изобретать новые образы прошлого, которые позволили бы восстановить распавшуюся связь времен. Современный интерес к прошлому вызвал переосмысление основных проблем, связанных с пониманием истории и памяти. Единое восприятие времени сменилось осознанием того, что не существует как единого времени («школа Анналов»), так и единой культуры восприятия времени (К. Леви-Стросс): в разных культурах и на разном уровне социальности прошлое (или история) воспринимаются по-разному. Концептуальные представления о прошлом связаны с особенностями культуры отдельных обществ, классов субкультур. При этом существуют общества или отдельные социальные общности эмоционально более чувствительные к проблеме времени, где история (прошлое) становится чем-

то вроде внутреннего двигателя развития и прогнозирования на будущее. Вторая особенность – отношение прошлое-настоящее. В интересе к прошлому считают исследователи, центральным является интерес к настоящему как точке, где пересекаются восприятие опыта (прошлого) и представления о будущем – горизонты ожидания. Это своеобразный диктат настоящего времени, которое ставит себе на службу как прошлое, так и будущее. Интерес к прошлому возвращается в новом виде: с его помощью пытаются освятить собственную теперешнюю идентичность: через память, наследие, юбилеи, исторические празднества утверждаются и переосмысляются ключевые координаты осознания себя как общности [7].

Таким образом, феномен социальной амнезии онтологически вписан в социальную реальность и наиболее отчетливо проявляется в периоды социокультурных кризисов. Уточнение теоретических оснований и выявление проблемного поля исследования социальной амнезии в социокультурных практиках рецепции прошлого обусловлены тем, что в корпусе категориально-понятийных комплексов, описывающих те или иные проявления социальной реальности, социальная память занимает все более заметное место. Обращение к проблематике социальной памяти и социального беспамятства в современном российском обществе диктуется соображениями, связанными с особенностями их проявления в социальной реальности и необходимостью концептуальной проработки в современном социальном знании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Шapiro И.* Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. Д. Узланера. М., 2011.
2. См.: Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М., 2009.
3. *Бакиева Г.А.* Философский анализ феномена социальной памяти: автореф. дисс. ...д-ра филос. наук. СПб., 2001.
4. *Лыкова В.В.* Роль социальной памяти в трансформации России. URL: regconf.hse.ru (дата обращения 23.12.2012).
5. См.: *Лойко О.Т.* Онтология социальной памяти: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2004.
6. См.: *Тузова Т.М.* Специфика философской рефлексии. Минск, 2001.
7. *Рождественская Е., Семенова В.* Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. № 6.